

Е.Н. Рыбина

(Курган, Курганский государственный университет)

Типологический аспект взаимодействия между русской и аборигенной культурами Сибири в эпоху колонизации (на примере русско-мансийского влияния).

XVII век в истории человечества ознаменован беспрецедентным расширением европейских сообществ, что прежде всего выразилось в европейской колонизации Нового Света и русской колонизации Сибири. Синхронность этих процессов дает возможность сравнить их, выделив общие и особенные черты, а также постараться определить причины специфических черт. Одной из наиболее очевидных и видимых различий двух колониционных истоков заключается в характере взаимодействия между пришлыми и аборигенными народами.

Европейская колонизация сопровождалась в значительной степени агрессивными действиями, выливающимися порою в акты геноцида аборигенов. Русская же колонизация, как известно, носила преимущественно мирный характер, что создавало условия для активной диффузии русской крестьянской переселенческой и аборигенной культурами. Важным вопросом является выделение причин данного явления.

Возможным путем поиска ответа на данный вопрос может являться обращение к выявлению типологической принадлежности колонизирующих и колонизируемых обществ. Европейские сообщества XVII века, участвовавшие в колонизации Нового Света, находились уже на стадии формирования буржуазных индустриальных обществ; российское же продолжало оставаться традиционным доиндустриальным, в особенности это касается русской крестьянской культуры, а именно крестьяне составляли большую часть переселенцев в Сибирь.

Таким образом, русское общество и аборигенные сибирские общества были типологически схожи. Они находились на традиционной, доиндустриальной стадии, что и определило большую толерантность русской культуры в отношении к аборигенам Сибири, чем западно-европейской к народам Нового Света.

Рассмотрим последствия колонизации Сибири на примере русско-мансийских отношений.

Этническая история любого народа сопровождается цепью межэтнических контактов и взаимодействий. Соответственно этому, включение в культуру традиционного общества

достижений мировой цивилизации через воздействие культуры-донора воспринимается как культурное явление, характерное именно для нее. Естественно, что и оценка явлений, воспринимаемых культурой –реципиентом накладывается на общую оценку культуры-донора усугубляя значение негативных черт или, наоборот, повышая статус ее положительных аспектов (Гемуев И.Н., 1997).

В истории межэтнических контактов народов Сибири качественно новый этап начался в конце XVI – первой половине XVII в. За этот промежуток времени все основные группы коренного сибирского населения вошли в соприкосновение с представителями русской народности.

Первые контакты русских с уграми (манси и ханты) относятся к раннему периоду истории Московского государства. С проникновением русского влияния на Урал и в Сибирь, отношения Московского государства с угорскими народами, проживавшими в Предуралье, на Урале и за Уральским хребтом, складывались неоднозначно и подчас противоречиво. Тем не менее они укладывались в некую схему, отражающую концепцию московского правительства по отношению к народам Сибири, на которые распространялось влияние Русского государства.

В основе этой концепции лежало расширение территории с подчинением проживающих на ней народов и получение с них ценных мехов, которые приносили государству большие прибыли, ибо меха высоко ценились в Западной Европе и были там дороже, чем в Сибири. При этом правительство было заинтересовано в сохранении относительного мира с подчиненными народами, мира не только по отношению к московской власти, но и между коренным населением. Живя мирно и умножая свой род, подчиненные народы являли собой так называемое ясачное население, ежегодно пополнявшее казну.

К 80-м годам XVI в. восточные пределы Русского государства непосредственно соприкасались с землями Сибирского ханства. Но определенной границы тогда не существовало. В конце 50-х – 60-е годы XVI в. земли по рекам Каме, Лысьве, Чусовой получили в свое владение Строгановы. К 80-м годам XVI в. относятся первые устойчивые контакты мансийского населения с русскими, причем уже не только в области торговли и обмена.

Уже в этот период, предшествующий покорению Сибири, сложившаяся здесь обстановка вовлекла часть манси в сферу военно-политических действий. Царская грамота 1572 г. для обороны восточных границ и самостоятельных наступательных операций против сибирского хана давала Строгановым право набирать военные отряды из «охочих казаков», среди которых наряду с другими народами были и вогулы (манси). Таким образом, это был первый опыт создания военных отрядов, куда наряду с русскими входили и представители аборигенного населения (Люцидарская А.А., 1998, с. 99).

Угорские народы в период военных конфликтов страдали от разорения со стороны сибирского хана Кучума. Поэтому они искали поддержки и защиты у Русского государства. Ценой за нее была дань. После падения царства Кучума власть Московского государства над угорскими княжествами стала неоспоримой.

То есть к этому времени в Сибири манси уже имели опыт мирного общения с русскими и, конечно, печальный опыт вооруженных столкновений с ними.

С.В. Бахрушин выделяет зоны взаимодействия и взаимовлияний русских и манси. В первую очередь, влияние русских испытали на себе группы манси, живущие на Урале. Уже первые верхотурские грамоты содержат сведения о сборе ясака с чусовских вогулов и остяков. В литературе достаточно известна грамота Бориса Годунова 1598 г., посланная в связи с расследованием дела о злоупотреблениях при сборе ясака. Правительство отстраняло и наказывало тех, кто стоял у ясачной кормушки и занимался грабежом инородцев, ибо подобные злоупотребления сказывались не только на состоянии казны, но и на политическом климате в регионе, угрожая военными конфликтами.

Сама система сбора ясака предполагала возможность русско-угорских контактов самого разного уровня – от общения со сборщиками и вплоть до административной воеводской верхушки, а также с самыми разными людьми, оказавшимися втянутыми в эти отношения. Чтобы избежать превышения полномочий и злоупотреблений при сборе ясака на местах, власти практиковали приход ясачных для сдачи пушнины в казну непосредственно в город. Ясачные имели право (и пользовались им постоянно) жаловаться властям на обидчиков, то есть формировался характер общения ясачных с новыми хозяевами Сибири.

Челобитные «сибирских инородцев» составляют значительную часть всего массива документов. При составлении челобития коренные жители Сибири знакомились с совершенно чуждой им традицией письменного изложения. Происходило как бы столкновение двух типов культуры: для одного исключалась традиция письменной информации, для другого, а именно русского, эта традиция с усилением государственности набирала силу (Люцидарская А.А., 1998, с. 102).

Вследствие влияния русской культуры на аборигенную, изменился и тип жилищ. Если в дорусский период традиционным типом была полуземлянка с различными вариантами крепления кровли, то позднее меняется конструкция жилища – срубные полуземлянки с плоской кровлей (затем появился потолок и постройки типа русской избы с сенями и чуланом) (Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И., 1989, с. 20).

Сферой налаживания контактов между русскими и уграми были не только районы совместного проживания, но и общая хозяйственная деятельность, которая включала в себя в различной пропорции охоту, рыболовство, собирательство, оленеводство, добычу полезных ископаемых и многое другое (Головнев А.В., 1993, с. 140). Особое место в хозяйстве занимал пушной промысел. После включения Западной Сибири в состав России значение пушного промысла резко возросло, что было связано в первую очередь с огромным спросом на пушнину, а так же с необходимостью уплаты ясака. Это повлекло структурную перестройку хозяйственного комплекса, изменилось использование времени в сезоне зимней охоты, стимулировало развитие транспортного оленеводства и повлекло за собой целый ряд изменений в других сферах традиционной культуры (Гемуев И.Н., 1997, с. 97).

Из грамоты 1600 г. известно, что некоторые родовые земли манси в результате проникновения русских оказывались в самом центре хозяйственного освоения этого региона русскими. Здесь проходил самый разный народ – торговцы, промышленные ватаги зверодобытчиков, гуляющий люд и, конечно же, государевы служилые люди (Люцидарская А.А., 1998).

Существовала практика использования труда манси на соляных промыслах. Жители коренного населения, принудительно привлеченные к несвойственной им деятельности, формально участвовали в соледобыче наравне с представителями других групп русского населения (История Сибири, 1968, с. 163).

Необходимо заметить, что подобным же образом коренных жителей использовали для заготовок строительного леса. Это занятие никакого сопротивления со стороны лесных обитателей – манси и хантов – не вызывало.

Торговлю справедливо называют самым древним и устойчивым средством общения. В конце XVI – начале XVII в. торговля с русскими стала для манси неотъемлемой частью существования. У русских они покупали и меняли на меха необычайно ценившиеся ими железные и медные предметы: оружие, топоры, котлы и т.п. Покупали и одежду, а в дальнейшем хлеб. Этот процесс был взаимовыгоден: русским он приносил баснословные барыши, а аборигенам давал возможность приобретать ставшие жизненно необходимыми вещи.

Правительство на протяжении веков пыталось урегулировать, взять под контроль торговлю с коренным населением Сибири. Оно старалось не допустить чрезмерного обогащения купцов и обнищания аборигенов, так как и то и другое сказывалось на состоянии казны

– ценные меха уходили торговцам, нередко за долги, за кабальные записи, а результатом был недобор ясака.

Таким образом, общение с местным населением представляло собой достаточно длительный процесс не только обмена товарами, но и информацией. Невозможно было месяцами жить по юртам среди вогул или в городах среди русских (если речь идет о коренных жителях), не усваивая элементы доселе чужой культуры (Люцидарская А.А., 1998, с.104)

Вместе с тем взаимодействия русских и аборигенов не ломали ни общественных отношений, ни хозяйственного уклада, ни мировоззрения коренных жителей. Процесс христианизации в XVII в. проходил формально и сводился к тому, что манси приобретали русское имя. Внедрение в быт манси христианской обрядности впоследствии приводило лишь к приспособлению лик русских икон к мансийскому пантеону богов и духов (Гемув И.Н., 1997, с. 99)

Существует еще один аспект русско-мансийских взаимодействий. Он затрагивал лишь незначительную часть коренного населения, однако способствовал коренной ломке мировоззрения, по сути смене культуры. Речь идет о внедрении аборигенов края в ряды служилого сословия.

Сибирские служилые люди – дети боярские, конные и пешие казаки, стрельцы являлись в первоначальный период освоения Сибири наиболее значимой группой в составе русского населения (Люцидарская А.А., 1998, с.105).

Таким образом, все типы взаимодействия двух культур: русской и аборигенной, повлекли за собой изменения. Изменились представления об окружающем мире, других народах и религии. Большое место занимает заимствование у русских, например, нового типа оружия (огнестрельного оружия, металлических капканов) и других приспособлений для охоты и рыболовства.

Научный руководитель – В.В. Менщиков.